

Константин КИСЕЛЕВ,
кандидат философских наук, заместитель
директора по научной работе Института
философии и права УрО РАН, депутат
Екатеринбургской городской Думы

Нужно отпустить образование на свободу...

Интервью с Константином Киселевым, уральским политологом, а теперь и активным политиком, мы открываем новую рубрику – «Неформат». В этой рубрике мы будем беседовать с известными людьми, чья деятельность непосредственно не связана с профессиональным образованием и чьи взгляды на обсуждаемые в журнале проблемы небесспорны, а порой явно противоречат общепринятым.

– Вам приходится сотрудничать и общаться со многими людьми. Как вы оцениваете уровень профессионализма в нашем обществе?

Очевидно, что нельзя говорить за все общество. Должна быть осознанная экспертная скромность. Можно говорить, во-первых, о своем круге общения, оценивать уровень тех, с кем сталкиваешься. Во-вторых, стоит говорить о том, что знаешь, или о том, что можно оценить. Например, оценить профессионализм повара я могу, попробовав то, что он приготовил, но оценить профессионализм физика-экспериментатора я уже не в состоянии. Наконец, стоит различать профессионализм и халтуру профессионала.

Речь о том, что очень часто профессионалы «гонят халтуру», халтурят. Например, прекрасный писатель на потребу публике и за хороший гонорар выпускает откровенно слабый текст, но с откровенно заказным политическим окрасом. Это – халтура профессионала. Великолепный преподаватель может читать халтурные лекции, ибо нужно заработать, аудитории его лекции не нужны, а тратить свою энергию в пустоту он не желает. Строитель, который может сделать все хорошо, но делает плохо, – вообще норма. Все это примеры халтуры профессионалов. Мне могут возразить, что тогда эти люди едва ли могут считаться профессионалами. Но не соглашусь... Дело в том, что профессионализм сегодня в России часто не просто не востребован, но выходит боком. Стандартная ситуация – если делаешь хорошо, то на тебя могут «свесить» всю работу.

Проще говоря, есть проблема количества и качества профессионалов, а есть проблема востребованности профессионализма. Сегодня профессионализм востребован все меньше. А в моем окружении профессионалов большинство.

– Российское профессиональное образование, как, впрочем, и школьное, и дошкольное, начиная с первых лет перестройки и по сей день является объектом экспериментов и реформирования. К чему привели и приведут, на ваш взгляд, эти реформы?

Есть закон – перманентное управленческое вмешательство в систему ведет к снижению управляемости и деградации системы. С образованием все происходит ровно в соответствии с этим законом. Иногда создается впечатление, что образование уничтожают сознательно. Уничтожают даже не столько с помощью нищенских зарплат, сколько через бюрократизацию процесса образования, увеличение отчетности, во-первых, и снижение стандартов, во-вторых.

Я помню, когда в одном из университетов декан мне в ультимативной форме заявил, что троек на факультете быть не может, что вместо тройки нужно ставить «пару», что требовательность – главное. То есть декан боролся за стандарты качества. Шло время, и сейчас мы имеем абсолютно противоположный подход. В этом году на защите выпускных работ я не нашел ни одной, в которой не было бы плагиата. В итоге мне пришлось покинуть государственную комиссию, я отказался подписывать протоколы, а плагиатчики успешно в итоге защитились. Это о стандартах.

Что касается бюрократизации, то и говорить не стоит. Все и так всё знают.

Но я не хотел бы показаться брюзгой. Я достаточно спокойно смотрю на эту ситуацию. Дело в том, что, на мой взгляд, образование – «штучный» процесс. Штучный и с точки зрения педагога, и с позиций обучаемого. Проще говоря, и учитель – «штучный товар», и ученик. Так было всегда.

Аристотель один. И один Александр Македонский. И этого достаточно. Невозможно себе представить тысячи Аристотелей и десятки тысяч Македонских.

Есть, конечно, массовое образование. Куда без него. Оно обеспечивает некий средний-средний уровень образованности. Общество не ропщет, значит, все нормально. Потребности удовлетворены. Появится потребность на повышение уровня – появится предложение. Пока запрос на высокий уровень удовлетворяют элитарные заведения и зарубежные университеты. Будет запрос массовым, образование начнет меняться в лучшую сторону. Нет, значит, останется прежним. С другой стороны, запрос должны формировать сами педагоги, в том числе работая по стандартам гамбургского счета.

– До сих пор одним из критериев успешности деятельности средней школы является количество выпускников, поступивших в вузы. Хотя самая серьезная кадровая проблема в промышленности – нехватка рабочих. Может, вы знаете, как повлиять на «повышение престижа рабочих профессий» и перенаправить потоки человеческих ресурсов?

Не вижу необходимости какие-то потоки куда-то перенаправлять. Нет рабочих? Повышайте зарплату, учите, развивайте инфраструктуру на предприятии, развивайте среду территории и т. д. И появятся рабочие. Если сегодня востребованы бюрократы и силовики, то именно в эти вузы и растет конкурс. Пусть люди сами решают, куда идти учиться и кем работать. Гонения на гуманитарные науки, инспирированные властью, если они продолжаться, выйдут обществу боком. Без гуманитарной среды территории и государства чахнут. Это закономерность.

Кроме того, в перспективе потребность именно в традиционных рабочих профессиях будет уменьшаться катастрофически. Уже сегодня с современными производствами справляется пара десятков человек. Воспроизводство традиционного уклада XIX века – путь именно в XIX век.

– Ваша оценка президентского указа о создании 25 миллионов высокопроизводительных рабочих мест, из которых 700 тысяч приходится на Свердловскую область.

Это чистой воды PR-кампания. Ничего содержательного за ней не стоит. Более того, сам Президент в показаниях путается. Сначала к 2020 году, потом к 2025 году. Сначала создание, потом создание и модернизация. Даже количественный анализ показывает, что это PR. 25 миллионов – это примерно половина всех занятых в экономике. Смешно.

Но, что интересно, это будет выполнено. Дело в том, что речь, как сказано выше, идет не только о создании, но и модернизации рабочих мест. То есть установили вам новое освещение над рабочим местом, поставили новый принтер – место модернизировано. Отчет написан. Кроме того, не ясны критерии «высокопроизводительности». От какого уровня считать производительность труда? От 1913 года? Тогда все уже выполнено и перевыполнено. Или от производительности в аналогичных отраслях Германии и США? Или, может, «высокопроизводительность» измерять по уровню зарплаты? Тогда от какого размера плясать? Короче, обсуждать PR власти — напрасно тратить время.

– Не обойтись без вопроса о трудовых мигрантах. Проблема давно уже не только и не столько экономическая, но социальная. Все большее количество отраслей решает проблему кадров преимущественно за счет «гастарбайтеров», становится актуальным вопрос о «кадровом импортозамещении». Ваш взгляд на проблему.

Это не столько проблема количества рабочих мест и кадрового, как вы говорите, «импортозамещения», сколько проблема взаимодействия культур. Представим себе, что вместо таджиков к нам приехали работать немцы или англичане. Будет проблема? Возможно, будет, но она будет иной. Это будет, например, проблема школ с международными сертификатами и преподаванием на немецком и английском языках. Это будет проблема совместимости наших и немецких стандартов качества и профессионализма.

Проще говоря, нехватка или избыток трудовых ресурсов – нормальное явление для экономики, регулируемое с помощью экономических механизмов, но столкновение цивилизации и варварства – проблема глобальных масштабов, которую мир решает самыми разными способами уже много веков. Россия в этом не исключение.

– И в заключение, какие проблемы профессионального образования, из тех, что прозвучали в процессе беседы или остались за рамками разговора, наиболее актуальны? И какова, на ваш взгляд, должна быть последовательность их решения.

Две главных проблемы. Первая – самостоятельность в принятии решений самими образовательными учреждениями. Образование задумано удавкой регулирования и отчетности. Нужно отпустить образование на свободу. Пусть образование станет разным и разнообразным. Это на пользу.

Вторая – проблема стандартов. Они не просто снижаются, они заимствуются и транслируются из прошлого. А современность меняется ежесекундно. Почему перестали говорить о научно-техническом прогрессе? Потому что он стал повседневностью. И потому будущее образования в технологиях самообразования.

– Ваши пожелания нашим читателям, большинство из которых – это руководители и преподаватели образовательных учреждений профессионального образования.

Во-первых, я вам сочувствую. Во-вторых, завидую.

Сочувствую, так как понимаю, как сегодня сложно работать, как изменился контингент учащихся, какие бюрократические требования предъявляются и так далее.

Завидую, ибо, хотя и активно не преподаю, но так или иначе связан с высшей школой уже почти тридцать лет, и часто тянет в аудиторию. Кроме того, есть понимание, что можно и нужно сделать, что нужно сказать. А для любого педагога самое главное – знать, что нужно сказать.

*Интервью подготовила
Олеся Федорова*